

УДК 902/904 572.026

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.106.113>

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАКУБАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ПОСЕЛЕНИЯ «ПЕРВОМАЙСКОЕ 1»)

© 2026 г. М.В. Медведева

В статье приведена половозрастная структура позднесредневекового населения, погребенного на могильнике поселения «Первомайское 1». Памятник расположен близ хутора Кеслерово в Краснодарском крае и датирован автором раскопок XIV-XVII вв. Материалом для исследования послужили скелетные останки 126 индивидов, полученные в результате археологических работ 2021 года. Морфологический пол и биологический возраст определялись принятым в современной палеоантропологии способом. Половозрастные расчеты выполнены по методике, недавно предложенной Д.В. Пежемским. Для исследуемой палеопопуляции характерна высокая детская смертность с пиком в возрасте 7-12 лет. При этом зафиксировано почти полное отсутствие погребений детей до 1 года, что нетипично для древних сообществ. Соотношение полов среди взрослых близко к биологической норме (1,1:1), что также отличается от обычной картины, характерной для средневекового населения Европы. В женской части изучаемого населения отмечена низкая смертность в репродуктивном возрасте и высокий процент умерших в пострепродуктивном возрасте. Такое распределение не характерно для большинства традиционных обществ и связано с репродуктивной нагрузкой на женский организм. Средний возраст смерти у мужчин составил 41 год, у женщин - более 45 лет, что является очень высоким показателем для палеопопуляций.

Ключевые слова: археология, физическая антропология, палеодемография, позднее средневековье, мусульманские погребения, Закубанье

AGE AND SEX STRUCTURE OF THE TRANS-KUBAN LATE MEDIEVAL POPULATION (BASED ON THE MATERIALS FROM THE BURIAL GROUND OF THE PERVOMAYSKOYE 1 SETTLEMENT)

M.V. Medvedeva

This paper examines the age and sex structure of the Late Medieval population buried at the burial ground of the Pervomayskoye 1 settlement. The site is situated near the Keslerovo farmstead in the Krasnodar Krai and is dated by the excavating archaeologist to the 14th–17th centuries. The study is based on skeletal remains of 126 individuals recovered during archaeological excavations in 2021. Morphological sex and biological age were determined using standardized paleoanthropological methods. Age and sex distributions were analyzed following the methodology recently proposed by D.V. Pezhemsky. The studied paleopopulation is characterized by high child mortality, with a pronounced peak in the 7–12 age group. Notably, there is an almost complete absence of burials of infants under one year of age, which is atypical for pre-modern communities. The adult sex ratio is close to the biological norm (1,1:1), a pattern that also differs from the typical demographic profile observed in medieval European populations. Within the adult cohort, the female segment displays low mortality during reproductive age and a comparatively high proportion of deaths in post-reproductive age – a deviation from the mortality patterns commonly associated with traditional societies, where risks related to childbirth often affect life expectancy. The average age at death for men was 41 years, while for women it exceeded 45 years, which is notably high for a paleopopulation.

Keywords: archaeology, physical anthropology, paleodemography, Late Middle Ages, muslim burials, Trans-Kuban region

Введение

Исламизация народов Северного Кавказа – долгий и сложный процесс. Важную роль здесь сыграли как Золотая Орда, где ислам утвердился в XIII–XIV вв., так и воен-

ные походы Тимура. Однако в этот период данная религия смогла утвердиться в качестве господствующей лишь в Южном и Центральном Дагестане (История народов..., 1988, с. 233). Широкое распространение исламских

традиций в среде местного населения Северо-Западного Кавказа началось значительно позже.

На территории Закубанья в Средние века и в эпоху Нового времени проживали две группы населения, исповедовавшие ислам, – это адыги и ногойцы. Адыгские племена полностью принимают мусульманский обряд погребения, который предполагает наличие безынвентарной узкой могилы с западной ориентацией, только в XVII–XVIII вв. При этом у них сохранялась традиция подкурганного обряда (Дружинина, 2010, с. 105).

Массовая исламизация ногойцев происходила в эпоху Золотой Орды. Особенно широко этот процесс развернулся после 1312 г., когда хан Узбек провозгласил ислам государственной религией (Ярлыкапов, 2008, с. 23).

Мусульманское население Закубанья как с точки зрения археологии, так и антропологии изучено очень слабо. Интерес исследователей к данной теме невысок, и связано это с целым рядом причин. В первую очередь археологическое изучение данного населения затруднено в силу полного или почти полного отсутствия погребального инвентаря, в связи с чем датировка таких погребений без применения специальных методов невозможна. В условиях, когда единственным источником информации, помимо формы погребальной конструкции, являются скелетные останки, казалось бы, палеоантропологические исследования должны пролить свет на этнокультурную историю мусульманского населения региона. Однако данному вопросу также посвящено немного работ, и в большинстве из них обсуждаются вопросы морфометрического изучения черепа. При этом домусульманское население изучено достаточно хорошо. Здесь мы упомянем лишь работы Г.Ф. Дебеца и В.П. Алексеева, чьи труды и сегодня остаются этапными для исследования этой тематики (Дебец, 1948, с. 276–278; Алексеев, 1961; 1974). Именно благодаря исследованию В.П. Алексеева была выявлена небольшая монголоидная примесь в составе средневекового населения Черкесии, которую он связывал с проникновением тюркских племен на эту территорию.

Что касается изучения мусульманского населения, то здесь нужно упомянуть работу, выполненную коллективом авторов, посвященную комплексному палеоантропологическому исследованию калаусских ногойцев,

(Материалы по изучению..., 2003). В ней рассматриваются не только особенности изменчивости черепа данного позднего населения, но и строение скелетной системы, приведены одонтологические характеристики, а также демографические показатели серии. В недавнем краниологическом исследовании приазовских ногойцев авторы установили, что большинство ногойских серий характеризуется смешанным, европеоидно-монголоидными особенностями (Комаров, Чхаидзе, 2013). Половозрастной анализ мусульманского населения, оставившего грунтовый могильник на территории Новосёловского городища, представлен в работе А.А. Казарницкого (Казарницкий, 2015). Материалы из памятников XIV–XV и XVII–XVIII вв. введены в научный оборот коллективом авторов (Герасимова и др., 2018). Мусульманское население, погребенное близ станицы Натухаевской, проживавшее там в эпоху Нового времени, рассмотрено А.Н. Абрамовой как в половозрастном аспекте, так и в рамках краниологического исследования (Абрамова, 2024).

При этом изучение позднесредневекового мусульманского населения проливает свет на историю Краснодарского края и распространение религии в регионе, поэтому важно комплексно подходить к вопросу исследования по сути единственного источника информации, получаемого при раскопках таких могильников, – скелетных останков. Что и определило цель нашей работы, заключающейся в изучении половозрастной структуры данного населения. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: исследовать процент детской смертности в изучаемой палеогруппе; проанализировать соотношение полов; определить средний возраст смерти, характерный для изучаемой группы и дать оценку полученной структуре.

Материалы и методы

В 2021 г. на территории Крымского района, близ хутора Кеслерово, под руководством М.А. Деняева были проведены охранно-спасательные археологические раскопки поселения Первомайское 1, выявленного еще в 2010 г. В ходе исследования было вскрыто 222 погребальных сооружения разных эпох. Среди них выделяется группа погребений, включающая останки 126 индивидов, которые автор раскопок датирует XIV–XVII вв.¹. Безынвентарность этих погребений и соблюдение киблы

позволяют предположить, что они принадлежат мусульманскому населению.

Все скелетные останки после полевых работ были переданы на палеоантропологическое исследование, в результате которого удалось изучить и определить морфологический пол и биологический возраст 126 индивидов из безынвентарных погребений. Данная работа – лишь первый этап из планируемых в дальнейшем, посвященных вопросам морфологии выборки, погребенной на поселении Первомайское 1.

Пол и возраст погребенных определялись по принятой в отечественной палеоантропологии методике (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966). Для установления возраста у неполовозрелых индивидов использовались данные о развитии скелетной системы (Пашкова, 1963) и схемы прорезывания зубов (Ubelaker, 1978). Кроме того, для определения биологического возраста скелетов применялась дробная схема, предложенная Пежемским Д.В. (Пежемский, 2003), а также его методика проведения палеодемографического анализа (Пежемский, 2010, с. 49–50).

Результаты и обсуждение

Детская смертность составила 34,1%. Для большинства древних популяций такой процент этого показателя считается нормальным (Алексеева и др., 2003, рис. 15, с. 33). Однако в нашем случае обращает на себя внимание почти полное отсутствие ново-

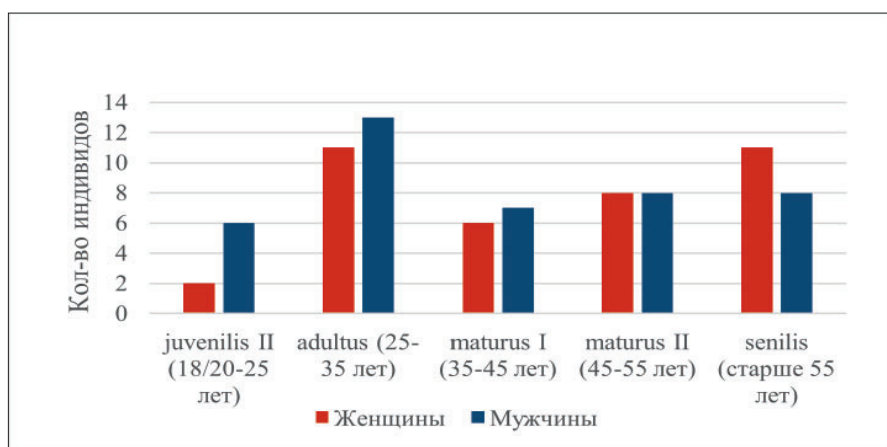
рожденных и детей до 1 года (табл. 1); так как именно на этот возрастной интервал приходится основная масса детской смертности, полученные значения уже не кажутся низкими. Вероятно, данное явление связано с особенностями погребального обряда, плохой сохранностью костей или неглубоким захоронением детей до 1 года, могилы которых были уничтожены в ходе хозяйственной деятельности. Эти факторы уже ранее обсуждались для средневековых скелетных останков с территории Краснодарского края (Абрамова, 2025). Пик детской смертности приходится на второе детство – 7–12 лет, что также не характерно для древних популяций. Вероятно, это можно связать с вовлечением детей этого возраста в трудовую деятельность.

Размер юношеской когорты составляет 8,7%, что представляет собой вполне обычную картину для традиционных обществ. Основную же часть исследуемой выборки формируют взрослые, чья доля равна 57,1%. В изучаемой палеогруппе мы наблюдаем близкое к биологической норме соотношение полов, которое составило 1,1:1. В отличие от представленного случая, для средневекового населения Европы была характерна половая диспропорция в сторону преобладания мужского населения, что находит подтверждение в палеодемографических исследованиях, при этом такой дисбаланс характерен

Таблица 1. Половозрастная структура позднесредневекового населения поселения «Первомайское 1».

Table 1. Sex and age structure of the late medieval population of the Pervomayskoye 1 settlement

Возраст / Пол	Мужчины	Женщины	Оба пола
Natus (новорожденные)	-	-	1 (0,8%)
Lacteus (до 1 года)	-	-	3 (2,4%)
Infantilis primus (1-3 года)	-	-	10 (7,9%)
Infantilis I (3-7 лет)	-	-	12 (9,5%)
Infantilis II (7-12)	-	-	17 (13,5%)
Все дети			43 (34,1%)
juvenilis I (12/13-18 лет)	-	-	3 (2,4%)
juvenilis II (18/20-25 лет)	6 (-%)	2 (-%)	8 (6,3%)
Все юноши и девушки			11 (8,7%)
adultus (25-35 лет)	13 (36,1%)	11 (30,6%)	24 (19%)
maturus I (35-45 лет)	7 (19,4%)	6 (16,7%)	13 (10,3%)
maturus II (45-55 лет)	8 (22,2%)	8 (22,2%)	16 (12,7%)
senilis (старше 55 лет)	8 (22,2%)	11 (30,6%)	19 (15,1%)
Мужчины и женщины суммарно	36 (50 %)	36 (50%)	72 (57,1%)
Все индивиды суммарно	126 (100%)		

Рис. 1. Возрастная динамика смертности мужского и женского населения, погребенного на могильнике поселения «Первомайское 1».

Fig. 1. Age dynamics of mortality in the male and female population buried at the burial ground of the Pervomayskoye 1 settlement.

для ископаемого населения вплоть до конца XIX в. (Алексеева и др., 2003, с. 44).

Пик женской смертности приходится на возраст 25–35 лет, что традиционно связывается с репродуктивной нагрузкой на молодых женщин (Алексеева и др., 2003, с. 44) (рис. 1). При этом второй пик смертности этой подгруппы приходится на старческий возраст, что редко встречается при изучении ископаемых групп и может быть объяснено относительно благополучным проживанием женского населения, переживших фертильный возраст.

Пик мужской смертности, как и в случае с женским населением, приходится на возраст 25–35 лет. Это можно было бы объяснить особенностями жизни изучаемого населения и неблагоприятными санитарными условиями. Однако данный вывод не согласуется с большим процентом женщин, доживших до пострепродуктивного возраста. Учитывая, что именно женский организм наиболее уязвим в период беременности и в послеродовой период, чаще всего именно у женского населения фиксируется пик смертности в первом репродуктивном периоде. Однако здесь мы этого не наблюдаем, почти 53% женского населения умерло в пострепродуктивный период.

В репродуктивном возрасте умерло больше мужчин, чем женщин (табл. 2). Традиционно это связывается с результатами военных столкновений, однако в нашем случае при осмотре скелетов не было зафиксировано следов боевых травм, например рубленых без следов заживления. Из-за этого нельзя интерпретировать повышенную мужскую смертность в молодом возрасте как последствие военных конфликтов.

Процент умерших в старческом возрасте (15,1%) нормальный по сравнению с опубликованными данными (Алексеева и др., 2003, табл. 16, с. 35). При этом соотношение полов в пострепродуктивном периоде (1:1,4) показывает, что умерших женщин в данной возрастной когорте больше, чем мужчин. Данное явление уже обсуждалось выше и чаще всего не согласуется с данными, получаемыми при изучении других древних популяций.

Советский антрополог В.П. Алексеев определяет продолжительность жизни взрослого населения в эпоху Средних веков около 40 лет, а включение в подсчет детей позволяет установить размер этого признака немногим больше 20 лет (Алексеев, 1972, с. 19–20). Сравнив полученные показатели со средней величиной, рассчитанной В.П. Алексеевым, отметим довольно высокие показатели этого демографического признака как с учетом детей, так и без них. В силу неполноты имеющейся у нас информации по смертности в детском возрасте средний возраст смерти, рассчитанный с учетом детской смертности, не отражает реального положения вещей у населения, оставившего поселение Первомайское 1. В связи с этим обратим внимание на взрослое население. Средний возраст смерти мужчин составил 41 год, что соотносимо с данными по большинству древних серий. Однако средний возраст смерти женщин составляет более 45 лет, что очень высоко. С чем связана обсуждаемая выше относительно невысокая женская смертность в репродуктивном возрасте и зафиксированный нами один из пиков смертности в пострепродуктивном периоде, нам только предстоит выяснить. Пока мы можем с осторожностью предположить включение женского населения в среду обсуждаемой

Таблица 2. Половозрастные показатели позднесредневекового населения, погребенного на могильнике поселения «Первомайское 1».
Table 2. Sex and age indicators of the Late Medieval population buried at burial ground of the Pervomayskoye 1 settlement

№ п/п	Признак	Первомайское 1
1	Соотношение полов/Sex ratio	1,1:1
2	Sex ratio в репродуктивной части популяции	1,8:1
3	Размер репродуктивной части населения	42,1%
4	Размер дорепродуктивной части	36,5%
5	Размер 1 репродуктивного поколения	60,4%
6	Размер пострепродуктивной части	15,1%
7	Соотношение полов в пострепродуктивной части	1:1,4
8	Средний возраст смерти с учетом детской смертности (лет)	29,7
9	Средний возраст смерти без учета детей (лет)	42,2

Примечания. * При расчете среднего возраста смерти были приняты следующие величины возрастных интервалов: juvenilis II – 22 лет; adultus – 30 лет; matures I – 40 лет; matures II – 50 лет; senilis – 65 лет (Южакова, 2018, с. 169).

** Соотношение полов во всех случаях указано в формате мужчины:женщины

Notes. * For calculating the average age of death, the following age intervals were used: juvenilis II – 22 years; adultus – 30 years; matures I – 40 years; matures II – 50 years; senilis – 65 years (Yuzhakova, 2018, p. 169).

**The sex ratio is in all cases in the male:female format

выборки извне. Однако данный тезис требует дополнительного изучения с применением других инструментов палеоантропологии и археологических данных.

В связи с отсутствием погребального инвентаря датировка позднесредневековых погребений остается весьма широкой. Тем не менее перспективным направлением дальнейших исследований может стать применение радиоуглеродного анализа. Его использование позволит уточнить время функционирования данного могильника.

Вопрос о принадлежности населения, погребенного на Первомайском 1, к адыгским или ногайским племенам мы также оставляем пока открытым. Планируемое краниометрическое исследование серии позволит пролить свет на вопрос о морфологическом сходстве обсуждаемой выборки с теми или иными группами, обитавшими на территории Северного Кавказа и Предкавказья в Средние века и в Новое время.

Выводы

1. В ходе палеоантропологического анализа выборки было выявлено почти полное отсутствие захоронений младенцев и детей до 1 года. Эта особенность может быть объяснена спецификой погребальных традиций, связанных с неглубоким погребением детей до определенного возраста. Тогда их отсутствие

объясняется уничтожением погребений в ходе плантажной распахки и хозяйственного освоения территории памятника. Или же погребение детей этой возрастной когорты осуществлялось на отдельном участке могильника, не выявленном в ходе археологических работ.

2. Детская смертность для населения Первомайское 1 оказалась очень высокой, с пиком в возрасте 7–12 лет. В условиях выявленного почти полного отсутствия детей до 1 года данный показатель в изучаемой группе мог достигать крайне высоких значений.

3. Соотношение полов в изучаемой выборке (1,1:1) близко к биологической норме, что нетипично для средневековых ископаемых серий Европы, так как для последних характерно меньшее количество женщин по отношению к мужчинам. Пик женской смертности пришелся на пострепродуктивный возраст, что также не характерно для традиционных обществ. Выявленные особенности женского населения, погребенного на поселении Первомайское 1, вероятно, в будущем решит планируемое исследование с привлечением инструментов палеоантропологии и археологии.

4. Средний возраст смерти изучаемого населения несколько выше средних значений, фиксируемых на других средневековых выборках. В значительной степени данный показатель связан с высокими значениями

этого показателя в женской подгруппе и тем, что один из пиков смертности женского населения приходится на возраст старше 55 лет. Полученный результат не находит аналогий

среди других древних выборок, у которых основной пик женской смертности приходится на возраст фертильности.

Примечание:

¹ В настоящее время отчет по результатам раскопок поселения Первомайское 1 находится на этапе написания. При написании этой работы автор руководствовался техническим отчетом, предоставленным автором раскопок (Деняев, 2024).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова А.Н. Население Северо-Восточного Причерноморья Нового времени по данным палеоантропологии // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. Г.Б. Луганская. Майкоп: Магарин О.Г., 2024. С. 216–224.

Абрамова А.Н. Половозрастная структура средневекового населения Северо-Восточного Причерноморья // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2025. № 3. С. 94–103.

Алексеев В.П. Антропологический тип адыгов в эпоху позднего средневековья // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II / Ред. Н.В. Анфимов. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1961. С. 208–220.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.

Алексеев В.П. Палеодемография СССР // СА. 1972. № 1. С. 3–21.

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (Краниологическое исследование). М.: Наука, 1974. 323 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахы. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового могильника Мистихали). М.: Научный мир, 2003. 132 с.

Герасимова М.М., Фризен С.Ю., Васильев С.В. Краниологические материалы из средневековых могильников Краснодарского края // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 108–119.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 391 с.

Деняев М.А. Отчет об археологических охранно-спасательных раскопках на территории объекта археологического наследия поселение «Первомайское 1» в Крымском районе Краснодарского края в 2021 году / ООО «ОКН-проект». Ростов-на-Дону, 2024.

Дружинина И.А. Распространение ислама у адыгов Северо-Западного Кавказа (по материалам курганных могильников XVII–XVIII вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 3 (29). С. 102–106.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. В. Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. 554 с.

Казарницкий А.А. Палеоантропологические материалы античного и нового времени из Новоселовского городища (Краснодарский край) // Записки ИИМК РАН. Вып. 11 / Гл. ред. Е.Н. Носов. СПб: Дмитрий Буланин, 2015. С. 109–124.

Комаров С.Г., Чхаидзе В.Н. Ногайцы Восточного Приазовья по данным краниологии // Вестник ЧелГУ. 2013. № 2 (303). С. 17–27.

Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 4: Антропология ногайцев / Отв. ред. А.А. Калмыков. М.: «Памятники исторической мысли», 2003. 244 с.

Пащикова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. 154 с.

Пежемский Д.В. Определение биологического возраста в палеоантропологии и проблема возрастных интервалов // V Конгресс этнографов и антропологов России / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 255.

Пежемский Д.В. Половозрастная структура населения Петровского конца средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы 55-го заседания, посвящ. юбилею проф. И.К. Лабутинной (13–15 апреля 2009 г.) / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. Псков-Москва: ИА РАН, 2010. С. 47–55.

Южакова А.В. Палеодемографическая характеристика старожильского населения Омского Прииртышья XVII–XVIII вв. (по материалам памятника Изюк I) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 25. С. 162–175.

Ярлыкапов А.А. Ислам у степных ногайцев. М.: ИЭА РАН, 2008. 266 с.

Ubelaker D.H. Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Smithsonian institution. Chicago, 1978. 172 p.

Информация об авторе:

Медведева Марина Владимировна, студентка 4 курса бакалавриата, Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Россия); medvedevamarina514@gmail.com

REFERENCES

- Abramova, A. N. 2024. In Luganskaya, G. B. (ed.). *Voprosy arkheologii Adygei (Issues of Archaeology of Adygea)*. Maikop: "Magarin O.G." Publ., 216–224 (in Russian).
- Abramova, A. N., Druzhinina, I. A. 2025. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia)* (3), 94–103 (in Russian).
- Alekseev, V. P. 1961. In Anfimov, N. V. (ed.). *Sbornik materialov po arkheologii Adygei T. II (Collection of Materials on the Archaeology of Adygea. Vol. II)*. Maykop: "Adyg. kn. izd-vo" Publ., 208–220 (in Russian).
- Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Osteometry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Alekseev, V. P. 1972. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 3–21 (in Russian).
- Alekseev, V. P. 1974. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza (Kraniologicheskoe issledovanie) (The origin of the peoples of the Caucasus (Craniological research))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Cranio-metry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Alekseeva, T. I., Bogatenkov, D. V., Lebedinskaia, G. V. 2003. *Vlakhii. Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo mogil'nika Mistikhali) (The Vlachs. Anthropo-ecological study (based on materials from the medieval Mistikhali burial ground))*. Moscow: "Nauchnyi mir" Publ. (in Russian).
- Gerasimova, M. M., Frizzen, S. Yu., Vasiliev, S. V. 2018. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 43 (3), 108–119 (in Russian).
- Debets, G. F. 1948. *Paleoantropologiya SSSR (Paleoanthropology of the USSR)*. Series: Trudy Instituta etnografii imeni N. N. Miklukho-Maklaia. Novaya seriia (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography. New Series) 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Denyaev, M. A. 2024. *Otchet ob arkheologicheskikh okhranno-spasatel'nykh raskopkakh na territorii ob'ekta arkheologicheskogo naslediya poselenie «Pervomaiskoe 1» v Krymskom raione Krasnodarskogo kraia v 2021 godu. (Report on archaeological rescue excavations at the archaeological heritage site Pervomaiskoe 1 settlement in the Krymsk district of Krasnodar Krai in 2021)*. Rostov-on-Don (in Russian).
- Druzhinina, I. A. 2010. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 29 (3), 102–106 (in Russian).
- Piotrovskii, V. B. (ed.). 1988. *Istoriia narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. (History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kazarnitskii, A. A. 2015. In Nosov, E. N. (ed.). *Zapiski instituta istorii material'noy kul'tury (Transactions of the Institute for the History of Material Culture)* (11). Saint Petersburg: "Dmitry Bulanin" Publ., 109–124 (in Russian).
- Komarov, S. G., Chkhaidze, V. N. 2013. In *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriia». (Bulletin of the Chelyabinsk State University History Series)* 303 (2), 17–27 (in Russian).
- Kalmykov, A. A. (ed.). 2003. *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza (Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus)* 4. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ. (in Russian).
- Pashkova, V. I. 1963. *Ocherki sudebno-meditinskoi osteologii (Essays on Forensic Osteology)*. Moscow: "Medgiz" Publ. (in Russian).

Pezhetskii, D. V. 2003. In Tishkov, V. A. (ed.). *V Kongress etnografov i antropologov Rossii (5th Congress of Russian Ethnographers and Anthropologists)*. Moscow: N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 255 (in Russian).

Pezhetskii, D. V. 2010. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli: materialy 55-go zasedaniya, posviashch. iubileiu prof. I.K. Labutinoi (13–15 aprelya 2009 g.) (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land)*. Pskov-M.: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 47–55 (in Russian).

Yuzhakova, A. V. 2018. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University)*. Series: «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology)» (25), 162–175 (in Russian).

Yarlykapov, A. A. 2008. *Islam u stepnykh nogaitsev (Islam among the Steppe Nogais)*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ubelaker, D. H. 1978. *Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Smithsonian institution*. Chicago.

About the Author:

Medvedeva Marina V. Kuban State University. Stavropolskaya str., 19, Krasnodar, 350040, Russian Federation; medvedevamarina514@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.10.2025 г.
Статья принята к публикации 21.01.2026 г.